

Воспоминания йоркширского натуралиста (Продолжение)¹

У.К. Уильямсон

Глава III

История кургана. – Визит Рэнсома и Биниона в Скарборо. – Визит доктора Филлипса. – Путешествие на Пик-Хилл. – Обсуждение моего отъезда из Скарборо. – Йоркская почтовая карета. – Приглашение и назначение в Манчестер. – Наука в Восточном Йоркшире. – Природа побережья. – Мел и спитонская глина. – Джадд. – Оолит и лейас. – Препрежне изобилие окаменелостей, аммонитов Кеттлнесса и др. – Современный недостаток. – Деятельные коллекционеры. – Радд и Питер. – Книга Янга и Бёрда. – Невежество Янга. – Возвышение Филлипса и Йоркский кружок. – Ученые в Халле, Лидсе, Уитби, Ньюкасле, Дареме и Бервике.

Еще одно направление исследований занимало меня во время моего медицинского ученичества. В начале текущего столетия как в Великобритании и Ирландии, так и в Дании и других северных частях Европы большое внимание уделялось остаткам античного времени, особенно курганам, тогда столь распространенным. Дома в этот ранний период эти исследования продвигал Сэр Ричард Колт Хоар², а позднее – каноник Гринвелл³ из Дарема. Восточный Йоркшир был особенно богат этими реликвиями ушедшей эпохи. Один прекрасный образчик кургана или места погребения был известен на краю утеса Гристорп, нависающего над морем в Гристорпском заливе, в нескольких милях к югу от Скарборо.

10 или 11 июля 1834 года этот курган был открыт У. Бесвиком, эсквайром, владельцем поместья, в котором он находился. Его сопровождали несколько друзей, одним из которых был мой отец. Содержимое кургана оказалось чрезвычайно интересным. Первым объектом, который

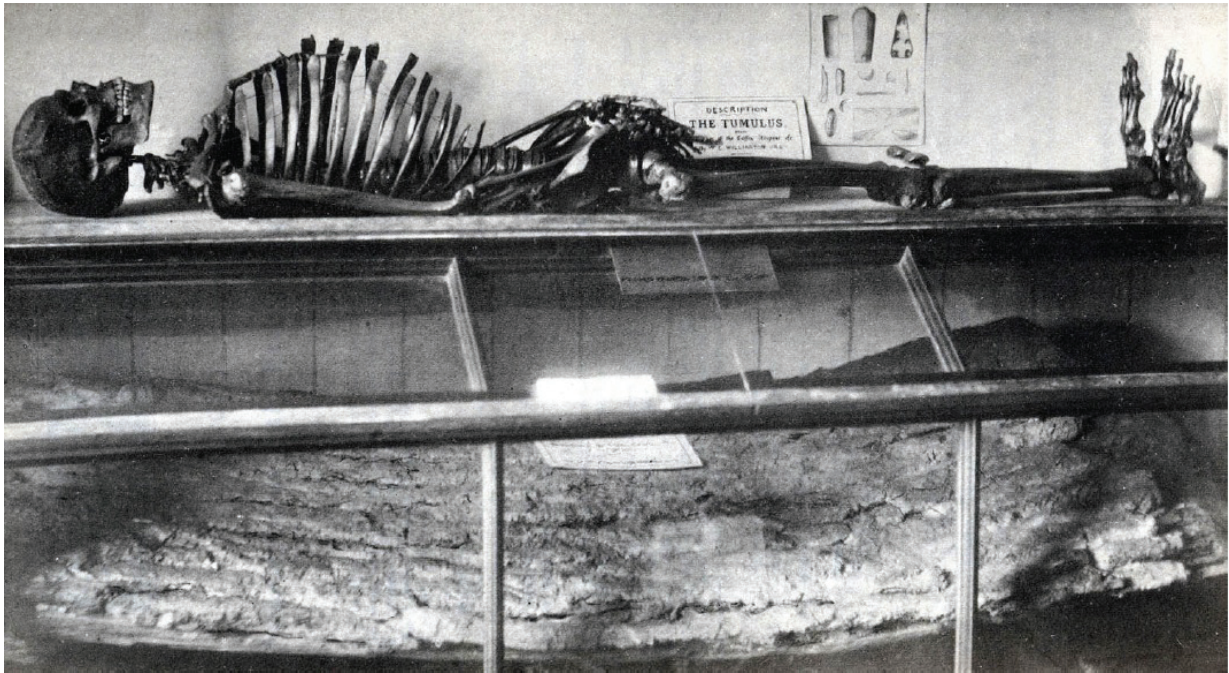
предстал глазам проводивших раскопки, был ствол большого дуба, лежавший горизонтально примерно в шести футах от поверхности земли. При использовании соответствующего приспособления для подъема этого предмета верхняя его часть оторвалась, оставив нижнюю часть погруженной в глину. Тогда стало ясно, что это был ствол дуба, расколотый вдоль и сохранивший свою кору, который, после того как был срублен, был выдолблен и превращен в грубое подобие гроба. За свою долгую карьеру археолога Сэр Ричард Колт Хоар встречался только с одним подобным примером в Великобритании, тогда как чаще такие гробы встречаются в скандинавских районах, особенно в Южной Ютландии; другие подобные им были впоследствии встречены в нашей собственной стране. Большинство, если не все из этих погребений в стволах, по-видимому, относятся к бронзовому веку. Гроб был наполовину заполнен водой. Погребенная часть была поднята, и ее содержимое аккуратно извлечено. Вся коллекция предметов, включая гроб, в конечном итоге была передана музею Скарборо, каковому учреждению ее подарил мистер Бесвик.

Особое внимание сразу же было уделено костям скелета, которые находились в крайне разложившемся состоянии из-за распада и исчезновения пленчатых частей, которые, когда они

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 20. – С. 88–98; Т. 21. – С. 134–142.

² *Ричард Колт Хоар* (1758–1838) – британский антиквар, археолог, писатель, художник и путешественник (Ред.).

³ *Уильям Гринвелл* (1820–1918) – британский археолог и священник англиканской церкви, каноник Даремского кафедрального собора (Ред.).

Скелет Гристорпского человека и крышка его гроба в Музее Скарборо

присутствуют, удерживают вместе известковые элементы. Затем было предложено, вероятно, доктором Харландом, одним из самых умных медиков, живших тогда в городе, что эти кости следует тщательно вымыть и положить в обычный котел для стирки, наполненный жидким раствором клея. Так и было сделано, огонь разожжен, и тщательно прослежено, чтобы драгоценные кости не пострадали от слишком сильного кипения. Эта часть процедуры выпала на мою долю. Кости были совсем почерневшими – эффект, по-видимому, от дубильной или галловой кислоты, содержащейся в коре дуба и соединившейся с железом глины, в которую был закопан гроб.

Процесс кипячения продолжался около восьми часов, после чего кости осторожно выставили на воздух, чтобы затвердел желатин. После этого их соединили вместе столь легко, как будто это были современные кости. Первоначальным владельцем этих костей оказался человек ростом около шести футов; на то, что он был стариком, указывало прогрессирующее окостенение некоторых хрящей скелета и то, что поверхность его зубов стерлась почти до одной плоскости; во всех других отношениях зубы прекрасно сохранились; старик, очевидно, никогда не нуждался в услугах дантиста.

Среди других предметов, найденных в гробу, были бронзовый наконечник копья, три кремня и

два прекрасно обработанных костяных предмета. Один из них был гвоздем, а другой, по-видимому, частью рукоятки кинжала или ножа, который, очевидно, был прикреплен к концу деревянного древка тремя гвоздями, которые полностью проходили сквозь кость и дерево.

Вскоре после того, как это открытие было сделано, некоторые из моих друзей наметнули мне, что мой долг – написать иллюстрированный отчет по этому предмету. Я сделал это, как мог, хотя выполнение такой задачи для юноши, которому еще не исполнилось восемнадцати лет, было довольно затруднительным.

Однако дело было сделано, и мемуар опубликован в Скарборо до конца года⁴. Случилось так, что вскоре после появления этой брошюры покойный профессор Бёкланд посетил город и получил копию мемуара, которым, казалось, был очень доволен. Я больше ничего не слышал об этом, пока еженедельный выпуск «Литературной газеты» за 8 октября 1834 года не был прислан мне чьей-то неизвестной рукой. Открыв номер, я обнаружил, что, в отличие от его обычной формы, почти половина его была посвящена повторению части моего археологического произведе-

⁴ *Williamson W.* Description of the tumulus lately opened at Gristhorpe near Scarborough: with engravings of the coffin, weapons, etc. – Scarborough: S.W. Theakston, 1834. – 23 p. (Ред.).

Уильям Бёкланд

ния, а номер за следующую неделю содержал такое же воспроизведение оставшейся половины. Не было никакого упоминания о том, как это попало в руки редактора, помимо некоторых сопутствующих наблюдений и намеков на мои юношеские геологические занятия. Это заставило меня написать великому оксфордскому профессору, поблагодарив его за доброе содействие.

В то время многие из моих работ были опубликованы в книге Линдли и Гёттона «Ископаемая флора», и я предполагаю, что он имел это в виду, когда в последнем ответном письме, написал мне: «Я был очень рад, увидев, что редактор “Литературной газеты” придерживается того же мнения, что и я, о вашем интересном отчете о британском кургане, и я счастлив, что сыграл важную роль в том, чтобы представить обществу имя, которое, надеюсь, оставит заметный след в анналах британской науки. Я уверен, что вам не будет отказа в вашем родном городе в том одобрении, которое чужаки, насколько это в их силах, готовы предложить вам».

Легко представить себе, какое большое впечатление могло бы произвести получение подобного сообщения от столь выдающегося человека на его юного получателя. Я, однако, отчетливо помню, что это и вполнину не питало моего тщеславия, а пробуждало во мне глубокое и вместе с тем ободряющее чувство ответственности,

а также твердую решимость не разочаровать Бёкланда и Мурчисона, которые придерживаются обо мне такого мнения. Письмо доктора Бёкланда было одним из тех влияний, воздействие которых было совершенно здоровым.

Второе издание этого мемуара потребовалось через несколько лет после его первого появления, и, к моему удивлению, третье понадобилось в 1871 году. В своем предисловии к этому последнему выпуску я написал: «Нет области науки, в которой были бы достигнуты более быстрые успехи, чем в археологии за последние тридцать лет; и для меня было очевидно, что незрелое произведение юноши семнадцати лет, опубликованное в 1834 году, было совершенно непригодно для переиздания в 1871-м. Поэтому я решил переписать большую часть мемуара и таким образом привести его в соответствие с нынешним состоянием наших знаний о предмете, к которому они относятся».

Летом 1835 года произошел, по-видимому, тривиальный, но действительно важный случай: я получил сообщение от отца о том, что в музее находятся два джентльмена, которые желают меня видеть. Я пошел и нашел там мистера Рэнсома, хирурга из Манчестерского лазарета, и мистера Биниона, его шурина, в то время одного из партнеров в старой уважаемой фирме ситцепечатников в Манчестере, известной как «Джон Хойл и сыновья». Оба эти джентльмена были членами Общества друзей. Я показал им некоторые особенности, представляющие геологический интерес, в породах, составляющих живописный Замковый холм Скарборо.

После этого они пригласили меня отужинать с ними в их гостинице, чтобы, как они выразились, немного обменяться мыслями. Вечером этот обмен начался с того, что мистер Рэнсом довольно резко сказал: «Уильям Уильямсон, ты не должен оставаться в Скарборо; это не то место, где ты должен провести свою жизнь». Пораженный этим предложением, я мог только отметить, что не вижу другого пути, открытого для меня. После нескольких дополнительных замечаний того же рода тема была оставлена.

В то время в Скарборо жил обладавший независимым доходом джентльмен, мистер Джон Бери, который первоначально был торговцем в Манчестере. Не имея теперь никаких особых занятий, он проявлял значительный интерес к музею и, совершенно не имея претензий быть ученым, всегда был готов сопровождать нас в наших научных экскурсиях. Через несколько недель по-

сле эпизода с Рэнсомом он однажды позвонил в приемную и сказал мне, что влиятельный врач из Манчестера собирается провести несколько дней в его доме и что он хочет, чтобы я присоединился к их обеденной компании на следующий день. Приехав в дом мистера Бери, я нашел доктора Чес. Филлипса, одного из врачей Манчестерского лазарета, который также проявлял значительный интерес к геологическим и биологическим предметам.

Для того чтобы получить некоторые знания о геологии йоркширского побережья, на следующий день мы организовали экскурсию по лейкасовым породам Пик-Хилла и залива Робин Гуда. В тот день доктор Филлипс снова убеждал меня в том, что Скарборо не способен обеспечить мне будущую карьеру. Очевидно, между ним и моими прежними посетителями из Манчестера существовала какая-то связь; но, что касается меня, мои взгляды не изменились. Я сказал ему, что до окончания моего ученичества у мистера Уэдделла осталось два года, и я должен завершить свое медицинское образование, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Тогда он сказал мне, что им нужен куратор на сезон в музей Манчестерского общества естественной истории и что, если я соглашусь, это не будет серьезным перерывом в моей подготовке к медицинской карьере. Потому что мистер Рэнсом, мой предыдущий посетитель, был готов к тому, чтобы мой контракт перешел от г-на Уэдделла к нему без дополнительной платы, благодаря чему в Манчестере мне будут доступны большие преимущества по части медицины. Но все было напрасно. Я был так глупо привязан к мысли, что мне суждено остаться в Скарборо, что даже отказался принять это предложение. Таким образом, движение в Манчестер, по-видимому, снова прекратилось.

Но теперь произошла одна из тех обычных, так называемых случайностей, далеко не редких в жизни, которые так часто становятся поворотными моментами. Через день или два я нес пузырек с лекарством пациенту, который жил возле «Бара». Приблизившись к этому почтенному заведению, я увидел йоркскую почтовую карету, стоящую у дверей трактира Миллара, чтобы забрать пассажира. Услышав, как кто-то окликнул меня по имени, я поднял глаза и обнаружил доктора Филлипса на крыше кареты. Он спросил, не изменились ли мои взгляды, но я не успел ответить на его вопрос, как карета тронулась с места. Тогда он поспешно крикнул: «Могу я написать вам?» Не видя причин, почему бы ему этого не

сделать, я просто кивнул в знак согласия, и в следующее мгновение карета исчезла из поля видимости и слышимости.

Это маленькое происшествие, так случайно произошедшее, я почти не вспоминал, пока однажды мой отец принес мне письмо, только что полученное от доктора Филлипса, который вновь определенно поднял тему моего отъезда. Таким образом, простая удача, что я проходил то место, где остановилась карета всего на пару минут, определила мою будущую карьеру. В письме, о котором идет речь, меня приглашали в назначенный день встретиться с Советом Манчестерского общества естественной истории для рассмотрения вопроса о моем избрании куратором их музея. Этот вызов решил вопрос. Приглашение, полученное в столь определенной форме, было должным образом рассмотрено на дружеском совете с мистером Уэдделлом, который, не желая, чтобы его собственные интересы мешали моим, предложил отказаться от моего ученичества. Итак, в назначенный день я оказался лицом к лицу с Манчестерским советом, который сразу же назначил меня куратором, и я приступил к исполнению своих обязанностей в конце сентября 1835 года.

На данном этапе, возможно, не будет излишним кратко обрисовать научные исследования, проводившиеся в Северо-Восточной Британии в начале нынешнего столетия. Как и следовало ожидать, молодая наука геология вышла на первый план по двум причинам. Это была область, до сих пор относительно пренебрегаемая, но теперь подававшая самые большие надежды на награду ее исследователям. Труды Смита снабдили изучающих эту науку определенными стандартами, основанными на наблюдениях, сделанных на юге и юго-западе Англии, в том, что касается последовательности слоев, залегающих на острове. Поэтому эти два района, юго-западный и северо-восточный, нуждались только в компетентных наблюдателях, чтобы определить, какое положение занимали породы, которыми такой исследователь был окружен, в вертикальном разрезе, опубликованном великим учителем.

Вторым стимулом к активным исследованиям послужили физические условия длинной береговой линии, протянувшейся от Хамбера до шотландской границы. Смит обратил внимание на тот факт, что «восточная сторона острова, следовательно, является лучшей для начала регулярных наблюдений над органическими окаменелостями, которые иллюстрируют его "геологию"»

(«Слои, установленные...»⁵, с. 2). Самой верхней из серии правильно стратифицированных пород был мел. Эти содержащие окаменелости пласты находились выше и имели более позднее происхождение, чем предполагалось для меловых слоев; но должны были пройти годы, прежде чем была предпринята какая-либо попытка классифицировать и определить их точный порядок и напластование. Следовательно, как я уже заметил, серии, последовательность которых была практически определена Смитом, начинаются с мела Фламборо-Хед, обнажения которого легко прослеживаются по обширным неровностям Йоркширских Пустышей, образующих западную границу долины Йорка. В заливе Файли из-под мела на поверхность выходит огромная масса голубой глины, обычного представителя серии слоев, более четко разделенных и, следовательно, классифицированных на юге Англии, чем на этом побережье.

Только в 1868 году гений, энергия и точные знания моего друга профессора Джадда о южных представителях глин Спитона позволили ему разделить их на несколько зон, которые соответствуют нескольким неокским слоям на юге, лежащим на киммериджских глинах и даже на портландских слоях. Эти два последних подводят нас к оолитовой серии пород, которая начинается более заметно в Файли-Бриг и тянется на север почти непрерывной серией, вплоть до высоких скал Роклиффа, где они покоятся на великолепной лейасской серии, начинающейся на Пик-Хилл, на южной оконечности залива Робин Гуда и заканчивающейся только к северу от Солтберна.

Более привлекательной области исследований для молодого геолога того времени, чем та, которую я очертил, нельзя было найти ни в одной части Англии.

Почти все слои, кратко упомянутые выше, изобиловали ископаемыми остатками. Сейчас все иначе. Внутри страны каждый слой, несомненно, так же богат, как и в прошлом, с той только разницей, что они, как правило, доступны только в карьерах и железнодорожных выемках, тогда как обрывы и склоны длинной береговой линии делали их более или менее доступными в каждой точке. Шли века, в течение которых на эти предметы не обращалось никакого внимания.

⁵ *Smith W.* Strata identified by organized fossils, containing prints on colored paper of the most characteristic specimens in each stratum. — L.: W. Arding, 1816. — 24 p. (Ped.).

Следовательно, даже прибрежный гравий был полон ими. В дни моей юности, во время случайной прогулки от ручья, протекавшего под скальным мостом, до Спа (расстояние, не превышающее и четверти мили) я мог собрать с полдюжины аммонитов из Уитби и Стейтса, перенесенных на юг силами, которые накопили глины и гравий Дрифта.

Я хорошо помню один случай, когда мы с отцом, прогуливаясь между Сэндс-Эндром и Кеттл-нессом, наткнулись на широкое плоское обнажение, открытое отливом, богатое окаменелостями. Многие из этих ископаемых верхнего лейаса — подразделения, из которого состояло обнажение — заключались в твердых сферических конкрециях, а при приближении к разработкам квасцов Кеттл-несса мы обнаружили обнажение, усеянное круглыми шариками, которые были наполовину погружены в голубой сланец. Большое число этих шаров содержало хорошо известные аммониты лейасовых пластов, но из других выступал твердый заостренный конец белемнита, известный как ростр. Расколов сферическую конкрецию, к которой он прикреплялся, мы обнаружили в ней широкую часть этого объекта, несущую камеры и известную как фрагмокон. За час с небольшим мы наполнили обе наши корзины, а также превратили в мешки наши носовые платки, и прежде чем мы достигли вершины утеса Кеттл-несс, направляясь к месту нашего ночного отдыха, мы обнаружили, что наша ноша была ровно такой, чтобы у нас хватало сил ее нести.

Я ссылаюсь на эту экспедицию, чтобы проиллюстрировать изобилие, с которым окаменелости могли быть добыты в те дни в различных частях йоркширского побережья. В более поздние времена я путешествовал по тем же местам, не обнаружив ни одной окаменелости, которую стоило бы унести с собой. В один из последних случаев, когда я подшучивал над одним из моих друзей из Скарборо по поводу отсутствия геологического энтузиазма, проявленного горожанами моих прежних дней, он очень справедливо возразил: «Легко вам упрекать нас в этом, зная, что вы полностью очистили побережье, не оставив нам ничего».

Кроме моего отца и мистера Бина, у нас в Скарборо в те дни был цех тружеников, которые посвящали большую часть своего времени сбору этих окаменелостей для продажи. Один из них, по имени Радд или Рид, и другой, которого мы всегда называли Ирландским Питером, были

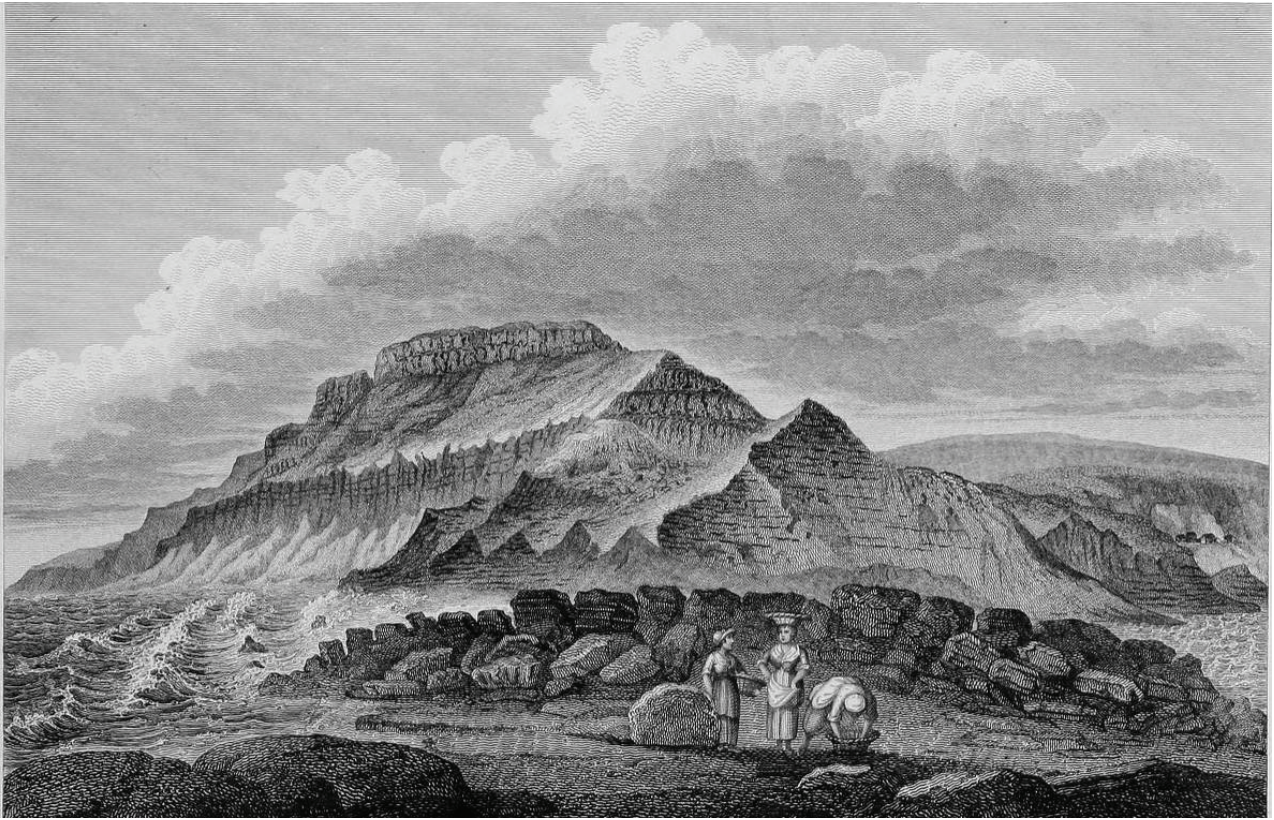

Иллюстрация из книги Д. Янга и Д. Бёрда «Геологический обзор Йоркширского побережья»

давно известны как самые искусные в своем цехе и также хорошо знали ценность новой окаменелости, когда они ее находили. Главным образом благодаря трудам этих двух людей мистер Ленкенби собрал прекрасную коллекцию оолитовых окаменелостей, впоследствии приобретенных Седжвиком, а теперь находящихся в Кембриджском музее. В то же время в прибрежных городах Бридлингтон, Файли и Уитби было несколько таких же людей. В последнем месте господ Янг⁶ и Бёрд, первый – геолог, второй – художник, тоже собрали коллекцию, ныне хранящуюся в музее Уитби, и написали работу, которую в 1822 году они опубликовали совместно под названием «Геологический обзор Йоркширского побережья»⁷. О компетентности Янга в написании та-

кой книги можно судить по следующей цитате из нее:

«Вместо того чтобы приписывать такую глубокую древность всем слоям, почему бы нам не предположить, что большая их часть, в частности, например, такие, которые содержат органические остатки, могут быть сформированы в эпоху Потопа? Мы далеки от принятия по этому вопросу незрелых мнений д-ра Вудварда; тем не менее мы убеждены, что он и г-н Говард и другие, которые приписывают Потопу основные изменения, которые претерпела кора нашего земного шара, пока ближе к истине, чем те, кто отбросил бы эти изменения в далекие века, предшествовавшие сотворению человека, вовлекая их во тьму хаоса».

Эта цитата – прекрасный пример предвзятого вздора, с которым приходилось бороться истинным людям науки. В то же время Бёрд, очень приятный художник, подготовил несколько грубых, но в остальном узнаваемых рисунков многих наиболее распространенных ископаемых Восточного Йоркшира и диаграммы слоев от Спурн-Хэда до Хартлпула, дающие четкое представление о побережье с его скалистой береговой линией и «тылами» из Йоркширских холмов.

⁶ Джордж Янг (1777–1848) – священник шотландской пресвитерианской церкви, доктор богословия, натурфилософ, историк и геолог-дилювиалист. Упоминаемая далее книга, написанная им в соавторстве с художником-пейзажистом Джоном Бёрдом (1768–1829), много раз переиздавалась и до сих пор распространяется факсимиле (Ред.).

⁷ Young G., Bird J. A Geological Survey of the Yorkshire Coast. – Whitby: G. Clark, 1822. – 235 p. (Ред.).

Джон Филлипс

Одновременно с Янгом и Бёрдом, Джон Филлипс, молодой человек совсем другого калибра, племянник и постоянный спутник Уильяма Смита, закладывал основы самых глубоких знаний по тому же предмету.

В это время в Йорке существовала сильная группа ученых: преподобный Уильям Венейблс Вернон, впоследствии Вернон-Харкорт; Томас Эллис, орнитолог; три Бэкхауса, ботаники и садоводы; доктора Беквит и Белкомб, мистер Джеймс Кук, доктор Дж. Голди, Джонатан Грей и Дэниел Тук – все они интересовались научной работой в соответствии со своими вкусами. К счастью, как для себя, так и для Джона Филлипса, они назначили его хранителем Музея Йоркширского философского общества.

Примерно в то же время Джон Эдвард Ли и Уильям Эй Дайкс из Халла, Э.Г. Джордж из Лидса и мистер Рипли из Уитби проводили аналогичные научные исследования. Таким образом, эти города стали центрами, из которых научный импульс распространился по всему Восточному Йоркширу.

Я уже ссылался на публикацию Джоном Филлипсом первой части его «Иллюстраций к геологии Йоркшира» и ее влияние на мой собственный вкус и жизнь. При таком сочетании влияний неудивительно, что, пересекая границу графства, мы находим в Ньюкасле еще одну группу выдающихся деятелей. Центр важного угольного района, несомненно, был снабжен выдающимися горными инженерами, и мы нашли их в таких людях, как Бадди и Сопворт. Уильям Гёттон, один из авторов «Ископаемой флоры Великобритании», был местным специалистом по ископаемым растениям. Уильям Хьюитсон тогда публиковал свою прекрасную работу на тему «Яйца британских птиц», а также заложил основу своей превосходной коллекции британских и зарубежных бабочек. Джошуа Олдер и Олбани Хэнкок писали свои «Исследования голожаберных моллюсков». Джон Хэнкок неуклонно завоевывал авторитет в области британских птиц и стал одним из самых выдающихся таксидермистов, которых когда-либо знала Великобритания. Уильям Боумен был местным представителем английских ботаников. Редко подобную плеяду выдающихся людей можно найти в одном провинциальном городе.

В то же самое время в Дареме у нас был профессор Джонсон, лидер во всех вопросах сельскохозяйственной химии, а чуть севернее, в Бервике, жил Джонстон, автор «Истории британских зоофитов».

(Продолжение следует)